

## Глава 5

### КАРЕЛЬСКО-РУССКИЙ СЛОВАРЬ

#### Карельские рукописные памятники письменности

Историю карельских памятников принято начинать с берестяных грамот XIII в. Наиболее известная из более чем десятка новгородских грамот с карельскими сюжетами — грамота 292 — представляет собой единый текст, записанный примерно пятидесятью знаками на трех строках. Она неоднократно привлекала к себе внимание исследователей.<sup>1</sup> Традиционно считалось, что это — карельский заговор от молнии, при этом интерпретация отдельных деталей текста демонстрирует значительную разницу во взглядах исследователей на этот памятник. К примеру, там, где в первом ряду одни видят «і десятиричное», которое расшифровывается как *10* (имен), другие полагают, что оно образует единый комплекс с последующими знаками и про-

---

<sup>1</sup> Из ранних работ наиболее известны: *Елисеев Ю. С.* Древнейший письменный памятник одного из прибалтийско-финских языков // Изв. АН СССР. Отд-ние лит. и языка. М., 1959. Т. 18. № 1. С. 65–72; *Haavio M.* Tuohikirje n:o 292: Vanha suomalaisen muinaisuskonnon lähde // *Virittäjä*. 1964. Vol. 68. N. 1. S. 1–17; *Хелимский Е. А.* О прибалтийско-финском языковом материале в новгородских берестяных грамотах // *Янин В. Л., Зализняк А. А.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). М., 1986. С. 252–259. Менее востребованы в отечественной исследовательской традиции зарубежные исследования конца XX века: *Vermeer W.* Aspects of the oldest Finnic poem and some related texts (Novgorod birchbark documents 292, 56 and 403) // *Studies in West Slavic and Baltic Linguistics. Studies in Slavic and General Linguistics* / Edit. by A. A. Barentsen, B. M. Groen, R. Sprenger. Amsterdam, 1991. P. 315–369; *Winkler E.* Anmerkungen zu zwei Sprachdenkmälern der ostseefinnischen Sprachen // *Linguistica Uralica*. 1998. Vol. 34. Is. 1. P. 23–29; *Laakso J.* Vielä kerran itämerensuomen vanhimmistä muistomerkeistä // *Virittäjä*. 1999. Vol. 103. N 4. S. 531–555.

читывается как *\*in(h)imiže(n)* или *\*ine(h)miže(n)*, что сопоставимо с кар.<sup>2</sup> *inehmine*, эст. *inimene*, вепс. *inehmoi* ‘человек’. В конце наиболее сложной для интерпретации второй строки Ю. Елисеев видит сочетание местоимения *ома* — *ома* ‘свой’ и дательного падежа рус. *Бог* — *Богу*, Е. Хелимский же, кажется, ближе к истине, предлагая вычленять последовательность знаков *омобоу* (скорее, все же, \*омъбоу, чем \*ам(а)бу у Хелимского с нехарактерной для данной позиции эпентезой) — орфографически оправданный вид прибалтийско-финского *\*ambu* ‘стреляй, выстрели’. Активную дискуссию вызвала также вычленяемая в конце третьей строки последовательность знаков *(n)oxovi*. Исследователи склонны видеть в ней историческую форму презенса 3 л. ед. ч. *\*johtavi* глагола *johtaa* ‘управлять, возглавлять; вести’ (Ю. Елисеев), при этом, однако, никак не комментируя отсутствие *t* в записи грамоты, или соответствующую форму глагола *ohjata* ‘править, управлять’ (Е. Хелимский). Последняя интерпретация тоже некорректна, поскольку не учитывает исторический облик основы (*\*ohjata-* ~ *\*ohjada-*), с согласным *t*, который должен был оставить какой-то след в записи. Ближе к истине, видимо, мнение В. Вермеера, предложившего иное членение текста и выделившего последовательность *похови*, которая корректно возводится к приб.-фин. *\*pahovi* ← *pahoa* (*\*pahodak*) ‘осуждать, говорить негативно о чем-либо’, дающее возможность несколько иного прочтения всей фразы.<sup>3</sup>

В свое время Ю. Елисеев, обосновывая карельский язык памятника, ссылаясь прежде всего на дифтонг *-ио-* в слове *нуоли* / *nuoli* ‘стрела’, являющийся дифференцирующей финско-карельской особенностью на фоне других прибалтийско-финских языков. Однако этот критерий, как показали более поздние исследования, не столь однозначен, ибо, во-первых, в тексте слово написано три раза по-разному (*нуоли*, *ноули*, *ноли*), во-вторых, образование расширяющихся дифтонгов из долгих гласных — поздний процесс, происходивший еще в XVI в.<sup>4</sup> Кроме того, в действительности *-уо-* может здесь, как

<sup>2</sup> Здесь и далее наименования языков и диалектов, лингвистические термины и ссылки на основные словари и справочники приводятся в соответствии с обозначениями в Списке сокращений. При цитировании лексики словаря указываются соответствующие номера вхождений.

<sup>3</sup> См. подробнее: Laakso J. Vielä kerran itämerensuomen vanhimista muistomerkeistä. S. 540.

<sup>4</sup> Häkkinen K. Suomen kielen historia. 1. Suomen kielen äänne- ja muotorakenteen historiallista taustaa. 3. uudistettu painos. Turku, 2002. S. 76.

и в ряде других текстов грамот, быть зеркальным отражением ди-графа *ou*, который, в свою очередь, соответствует приб.-фин. *u*, *uo*, *õ*.<sup>5</sup> Этот ряд особенно актуален с учетом того, что приб.-фин. *nuoli* исторически имело вид *\*nõle*, т. е. на месте дифтонга выступала долгая гласная. Столь же ненадежен и второй предлагаемый маркер — предпоследний знак *ж* в первой строке, отражающий приб.-фин. *ž* < *\*s*. Он интерпретируется убедительнее в вепсском, чем в карельском контексте. С другой стороны, новые интерпретации позволяют довольно убедительно утверждать, что в языке грамоты отсутствовала такая маркирующая особенность карельского языка как чередование ступеней согласных; по этому признаку он, скорее, вновь близок вепсскому. Впрочем, вепские параллели маркируют здесь не собственно вепсский, а некую угаснувшую восточную разновидность прибалтийско-финского языка, бытовавшую в XIII в. в окрестностях Новгорода;<sup>6</sup> возможно, речь может идти о «чудском» языке, оставившем заметный след в местной топонимии.

Помимо известной грамоты определенные карельские языковые вкрапления известны из ряда других записей. Среди них — грамота 403, XIII в., которая содержит небольшой русско-прибалтийско-финский глоссарий; исходя из характера включенных в него слов, текст был составлен русским новгородцем для взыскания долгов с жителей Кирьяжского погоста.<sup>7</sup> Исследователи, обращавшиеся к этому материалу, не ставили вопроса о конкретной языковой принадлежности шести слов глоссария, хотя, если исходить из привязки их к Кирьяжскому погосту, располагавшемуся в северном Приладожье — исконной территории карельского этноса, логично видеть в нем именно карельский язык. Однако фрагментарность материала, а также его непоследовательность (например, в отражении глухости — звонкости согласных) и даже возможные ошибки в записи, вызванные тем, что ее автор не владел свободно языком, не дают однозначного ответа на вопрос о языковом определении текста.

Более показателен на этом фоне топонимический и антропонимический материал берестяных грамот. Он, особенно антропонимия, многократно становился объектом анализа, начиная с 1950-х го-

<sup>5</sup> Vermeer W. Aspects of the oldest Finnic poem... P. 373.

<sup>6</sup> Laakso J. Vielä kerran itämerensuomen vanhimmista muistomerkeistä. S. 550.

<sup>7</sup> Хелимский Е. А. О прибалтийско-финском языковом материале в новгородских берестяных грамотах. С. 254–255.

дов (А. И. Попов, Н. А. Мещерский, Ю. Мягисте, А. Л. Шилов, В. Б. Крысько). Наиболее полные обзоры представлены Е. Хелимским (27 имен) и Я. Саарикиви (более 50 антропонимов). Многие имена содержат убедительные карельские фонетические признаки (*Кюлолакша, Ваякишин, Мелич*). Видимо, на карельские истоки указывает также конечная огласовка *-ой* или *-уй*, которую Е. Хелимский считает русским суффиксом, хотя более аргументировано выглядит позиция Я. Саарикиви, идентифицировавшего ее с диминутивным формантом, характерным для антропонимических систем восточных прибалтийско-финских языков, в частности, карельского.<sup>8</sup> Кроме того, карельские истоки подтверждаются и самой географией тех мест, к которым относятся документы. Так, целый ряд грамот связан с территорией упоминавшегося выше Кирьяжского погоста и его исторического центра Кюлолакши. Показательный пример — грамота 130 из Кюлолакши рубежа XIV–XV вв., в которой упомянуты *Вигарь, Валит, Ваивас* и *Мелит*. Все они имеют убедительную прибалтийско-финскую (а в контексте территории бытования — карельскую) интерпретацию.<sup>9</sup>

Следующий этап (XV–XVI вв.) тоже представлен главным образом карельскими топонимами и антропонимами, в изобилии встречающимися на страницах исторических документов новгородского и шведского происхождения, относящихся к Позднему Средневековью. Среди них материалы писцового дела, государственные и частные акты. «Карельская» топонимия этих источников подробно проанализирована в работах финляндских и российских исследователей.<sup>10</sup>

<sup>8</sup>*Saarikivi J.* Finnic Personal Names on Novgorod Birch Bark Documents // Topics on the Ethnic, Linguistic and Cultural Making of the Russian North. Juhani Nuorluoto (ed.). Helsinki, 2007. P. 243 (Slavica Helsingiensia. N 32).

<sup>9</sup>Хелимский Е. А. О прибалтийско-финском языковом материале в новгородских берестяных грамотах. С. 256–258; *Saarikivi J.* Finnic Personal Names on Novgorod Birch Bark Documents. P. 212–213, 222–223, 237.

<sup>10</sup>*Ronimus J. V.* Novgorodin Valtajalaisen viidenneksen verokirja v.1500 ja Karjalan silloinen asutus // Historiallinen arkisto XX. Ensimmäinen vihko. Joensuu, 1906. S. 1–135; *Nissilä V.* 1) Die Dorfnamen des alten lüdischen Gebietes. Helsinki, 1967; 2) Suomen Karjalan nimistö. Joensuu, 1975; *Муллонен И. И.* Топонимия Заонежья: словарь с историко-культурными комментариями. Петрозаводск, 2008; *Кюришнова И. А.* Словарь некалендарных личных имен, прозвищ и фамильных прозваний Северо-Западной Руси XV–XVII вв. СПб., 2010; *Kuzmin D.* 1) Vianan Karjalan asutushistoria nimistön valossa. Helsinki, 2014; 2) Кузьмин Д. В. К реконструкции древнекарельского именника // Вопросы ономастики. 2020. Т. 17. № 2. С. 9–35; *Raunama J.* The Distribution

XVII — нач. XVIII в. — время появления нескольких значимых для истории карельского языка рукописей. Первая по времени — это рукописное собрание заговоров «Олонецкий сборник» второй четверти XVII века, включающее 125 магических обрядовых текстов, среди которых 9 финноязычных. Рукопись была найдена учителем Петрозаводской духовной семинарии Л. Л. Малиновским и частично опубликована в 1876 г. В. И. Срезневский в 1913 г. издал большую подборку из 87 текстов, а также привел инципиты всех текстов, включая и финноязычные. Полное издание Олонецкого сборника осуществлено в 2010 г. А. Л. Топорковым.<sup>11</sup> В этом издании приведены подробные комментарии к карельским заговорным текстам, осуществленные С. А. Мызниковым, а также представлена история их языковой атрибуции. Известный финский лингвист Э. Н. Сетяля, которого В. И. Срезневский привлек для атрибуции языка текстов, полагал, что записи сделаны на «весьском», т.е. вепском языке. В. В. Пименов в своей известной книге о вепсах предположил, опираясь на изыскания языковедов-вепсологов, что язык заговоров «ныне исчезнувший, занимает, возможно, промежуточное положение между собственно вепским и людиковским диалектом карельского языка».<sup>12</sup> Наиболее полное исследование языковых особенностей финноязычной части памятника, а также публикация текстов с их переводом была осуществлена в 1980-е годы А. П. Баранцевым. Он пришел к заключению, что заговоры записаны на людиковском наречии карельского языка, обратив при этом внимание на то, что часть текстов ближе к вепскому, а другие — к собственно карельскому языку. Более того, он предположил также, что заговоры были записаны в Прионежье двумя жителями деревни Андриевская Ялгубской волости Шуйского погоста Григорием Меркульевым и его племянником Кузьмой Федоровым, родоначальниками ялгубских обельных крестьян.<sup>13</sup> Людиков-

---

of Village Names Based on Pre-Christian Finnic Personal Names in the Baltic Sea Area // *Finnisch-Ugrische Forschungen*. 2020. N 65. P. 98–152.

<sup>11</sup> Русские заговоры из рукописных источников XVII — первой половины XIX в. / Сост., подгот. текстов, статьи и коммент. А. Л. Топоркова. М., 2010.

<sup>12</sup> Пименов В. В. Вепсы. Очерк этнической истории и генезиса культуры. М.; Л., 1965. С. 185–186.

<sup>13</sup> Баранцев А. П. 1) О людиковском языковом памятнике начала XVII века // Советское финно-угроведение. 1984. Т. 20. № 4. С. 298–303; 2) Людиковские заговоры начала XVII века: тексты, чтение // Советское финно-угроведение. 1987. Т. 23. № 4. С. 285–294.

ские языковые истоки текстов оспорил С. А. Мызников, который предложил осторожно именовать их «карельско-вепскими», а местом записи считать в общем плане Обонежье.<sup>14</sup>

Очевидно, этой разногласицы в интерпретации языкового материала можно избежать и перевести ее в терминологическую плоскость, если иметь в виду языковую ситуацию начальных десятилетий XVII века, когда в силу известных исторических обстоятельств происходил активный отток собственно карельского населения из Приладожья в Прионежье, на исторически вепские в языковом отношении территории. Люди́ковские говоры, и сейчас характеризующиеся значительной пестротой, в XVII веке еще только формировались, поэтому оправдана отмеченная А. П. Баранцевым неоднородность текстов в плане соотношения карельских и вепских элементов. Однако в них уже присутствуют дифференцирующие люди́ковские признаки, потому их люди́ковская атрибуция представляется наиболее близкой к истине. Среди них, в частности, люди́ковская глагольная парадигма или почему-то оставшаяся незамеченной исследователями явная тенденция к употреблению буквы **ѣ** на месте карельского дифтонга *ie*, который является отличительным признаком люди́ковского наречия на фоне вепского языка, использующего в соответствующей позиции *e*: мѣзь [miez'] 'человек, мужчина', тѣдян [tiedän] 'знаю', лѣнеп [lieneb] (во фразе *и кен лѣнеп тегну сен пага(н)* 'и кто сделает это зло...') — вспомогательный глагол с семантикой действия, которое может произойти в будущем, мѣлен [mielen] 'разум'. В связи с этим, кажется, требуют пересмотра слова *тидяи* 'знающий' (\*tiedäi), в котором следовало бы ожидать в первом слоге **ѣ**, и *тѣкия* 'делать', т. е. возводимое интерпретаторами к приб.-фин. *teke-*, с кратким звуком *e*.<sup>15</sup> Но это значит, что пересмотра требует и вся фраза свадебного оберега 38 *Ни тидяи тѣкия нитуизнеи туكونи, махтаи махтѣкага* 'Не знающий делать из лугового (сена) связку, умеющий пусть умеет', которая действительно сложна для восприятия; видимо, для ее интерпретации еще не все возможности исчерпаны. Не исключено, что она делилась на слова несколько иначе, и в ней речь шла о нити или нитях (niitid) — уместный в контексте свадебного оберега образ; на-

<sup>14</sup>Мызников С. А. Карельско-вепские заговоры Олонецкого сборника // Русские заговоры из рукописных источников XVII — первой половины XIX в. / Сост., подгот. текстов, статьи и коммент. А. Л. Топоркова. М., 2010. С. 286–312.

<sup>15</sup> Там же. С. 294–295.

чало фразы могло выглядеть как *ниитид яй* (niitid äi) ‘нитей много’. В этом случае с ними, а не с луговым сеном (niitty ‘луг, покос’) может быть связана и следующая далее по тексту словоформа *нитуиз-пей* ‘из нитей’. Заговорные тексты и в силу специфики жанра, и несовершенства записи, и по причине малой изученности образного мира и поэтики карельской заговорной традиции очень сложны для интерпретации. К примеру, вряд ли стоит в тексте заговора на удачу на охоте (текст 118) реконструировать образ «госпожи ели Малдин». <sup>16</sup> Скорее, следует принять во внимание принцип повторяемости, свойственный карельской заговорной традиции, и сопоставить *тули рухна-с малдин кузи вастгаин* ‘попалась госпожа ель Малдин навстречу’ (в переводе С. А. Мызникова) с ранее записанной в тексте фразой *тули куивъ кузи* ‘попалась (навстречу) сухая ель’. В этом ряду есть возможность возвести *рухна-с малдин* к карельскому \*ruhnasmaldini ‘с наростами, с шероховатой поверхностью’, реконструированному по карельской модели *sem/maldini* ‘такого-то вида, качества, подобный тому’ <sup>17</sup> и семантически однородному с *куивъ кузи* (kuivъ kuuzi) ‘сухая ель’.

Один из наиболее важных для истории карельского языка источник — это карельско-русские словарные записи XVII века, обнаруженные в библиотеке Соловецкого монастыря в конце XIX века. Они сохранились в одном из списков т. н. «Азбучного (Алфавитного) патерика» [Соловецкое собр. РНБ, № 648/706]. Вывезенная в Казань в середине XIX в., рукопись была описана проф. И. Я. Порфирьевым. <sup>18</sup> Позднее к ней дважды обращался известный финский славист Й. Миккола, сделавший расшифровку документа и обративший внимание на две особенности карельского говора, отраженного в списке: обусловленная позиционно дистрибуция свистящего *s* и шипящего *š*, а также отсутствие палатализации перед *i*. <sup>19</sup> Рукопись также привлекла внимание Н. А. Мещерского, который выправил некоторые погрешности предшественников, а также высказал свои соображения об автор-

<sup>16</sup>Мызников С. А. Карельско-вепские заговоры Олонецкого сборника. С. 301.

<sup>17</sup>См. словарную статью *maltine* в KKS. Vol. 3. S. 266.

<sup>18</sup>Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской Духовной академии / Сост. И. Я. Порфирьев, П. В. Знаменский, А. В. Вадковский, Н. Ф. Красносельцев и др. Казань, 1885. Ч. 2. С. 186–188.

<sup>19</sup>Mikkola J. 1) Karjalaisia sanoja XVII vuosisadalta // Virittäjä. 1901. Vol. 5. S. 101–102; 2) Vanha karjalais-venäläinen sanaluettelo // Virittäjä. 1932. Vol. 36. S. 101–104.

стве и времени создания рукописи.<sup>20</sup> Новое обращение к рукописи, предпринятое в последние годы, позволило установить автора рукописи, уточнить время ее написания, а также верифицировать карельскую диалектную основу списка.<sup>21</sup>

Автором списка оказался святогорский архимандрит Феофан, который приехал в Москву в июле 1663 г. с тайной дипломатической миссией встретиться с опальным патриархом Никоном для выражения ему поддержки. По ложному доносу Феофан был обвинен в шпионаже в пользу Польши, выслан сначала в Кирилло-Белозерский, а затем в декабре 1665 г. на Белое море в Соловецкий монастырь. Проведя два года в соловецкой тюрьме, Феофан решился бежать. Зная, что на материке ему придется иметь дело с карелами, он составил небольшой русско-карельский словник, записав его на переплетных листах патерика. Записи сделаны в 1668 г. В ночь на 1 октября 1668 г. Феофан с сокамерниками решился на побег, однако карбас попал в шторм, и беглецы утонули.

Список включает примерно 80 карельских слов и словосочетаний с их переводом на русский, в целом отражающих общекарельский лексический фонд, в котором отсутствуют яркие диалектные маркеры. При этом в нем присутствует некоторое количество утраченных карельскими говорами слов, во всяком случае, не зафиксированных в словарях. В целом слова могут быть сгруппированы в несколько тематических групп: названия предметов домашней утвари, одежды, животных, рыб, формулы общения. В них явно отражаются реалии тюремного быта.

Записи хранят характерные особенности, свойственные т. н. собственно карельским говорам, бытующим в Поморье и квалифицируемым как южные (тунгудские) или переходные (подужемские). В них проявляются основные характерные особенности этих говоров: звонкость взрывных согласных *g, b, d*, дистрибуция *s // š* и *z // ž*, твердость звука *r* в позиции перед *i*, а также последовательное чередование ступеней согласных.

Эти особенности свидетельствуют о том, что тот собственно карельский говор, который отражен в записях архимандрита Феофана,

---

<sup>20</sup> Мещерский Н. А. Русско-карельские словарные записи XVII — начала XVIII в. // Прибалтийско-финское языкознание. М.; Л., 1961. Т. 23: К 70-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР Д. В. Бубриха. С. 16–22;

<sup>21</sup> Муллонен И. И., Панченко О. В. Первый карельско-русский словарь и его автор афонский архимандрит Феофан. Петрозаводск, 2013.

сделанных в 60-е годы XVII века, исключительно близок по фонетическим позициям к современному состоянию. За прошедшие 350 лет изменения минимальны. В целом этот вывод не нов для истории карельского языка. Он подтверждается близостью собственно карельских говоров Карелии и Верхнего Поволжья, которые сформировались на основе карельского миграционного потока XVII века. Последний распространялся из Северного Приладожья, с одной стороны, на северо-восток — в Карелию, с другой, на юг — в Верхневолжье. Утратив возможности для непосредственного общения уже несколько столетий назад, языковые коллективы сохранили тем не менее значительное языковое единство.

Отдельного замечания заслуживает довольно точная транскрипция Феофаном карельских слов с помощью средств кириллического алфавита, в том числе звуков, не имеющих аналогов в русской фонетической системе. К примеру, он сумел корректно передать различие карельских согласных [h] и [g] при помощи двух различных букв г, входивших в азбуку церковнославянского языка. Письмо фиксирует закономерности восприятия звучания карельских оригиналов. Показательно в этом плане, что в документе выбраны стратегии, аналогичные тем, что использованы на устном уровне интеграции карельских лексем и топонимов в русские говоры.

Замыкает список рукописных памятников карельского языка русско-карельская словарная запись начала XVIII века, включающая 116 словарных пар, в том числе несколько словосочетаний и выражений. Словарь размещен на 4 страницах рукописного сборника из бывшего собрания П. П. Вяземского, хранящегося в Отделе рукописей Российской Национальной библиотеки в Санкт-Петербурге. В свое время рукопись привлекла внимание известного исследователя древнерусской литературы В. Н. Перетца, охарактеризовавшего ее как сборник текстов «преимущественно календарного и справочного характера», который писался и переписывался в старообрядческой среде.<sup>22</sup> На листах, приклеенных к переплету сборника, помещены записи торгового характера, указывающие на то, что владельцем, а возможно, и составителем сборника был достаточно зажиточный торговец, который проводил торговые операции в Карелии. Именно

---

<sup>22</sup> *Перетц В. Н.* Русско-карельский словарь по рукописи начала XVIII столетия // Русский филологический вестник. Варшава, 1903. Т. 50. № 3–4. С. 148–160.

для этого ему понадобился словарь самых необходимых карельских слов и выражений. Словарь был опубликован в статье В. Н. Перетца в орфографии подлинника и дополнен финскими параллелями.

В 1960-е годы словарные записи привлекли внимание Н. А. Мещерского,<sup>23</sup> который остановился на их графической и палеографической стороне, обратив особое внимание на закономерности передачи специфических карельских звуков средствами русского письма: согласный *h* последовательно передается с помощью буквы *г*; долгие гласные сокращаются; гласные переднего ряда *ä*, *ö*, *y* пишутся как *a*, *o*, *u*, хотя в отдельных случаях есть попытка отразить их специфику специальными значками над гласными звуками. В целом автор статьи приходит к выводу, что писавший был русским грамотным человеком, однако не знал карельского языка. Кроме того, есть указания на то, что текст прошел через руки нескольких переписчиков, причем, из старообрядческой среды. В статье помещен весь текст словаря, при этом исправлены погрешности, допущенные в предыдущем издании.

Авторы названных выше публикаций оставили, однако, без ответа, наиболее важный для карельского языка вопрос: какое карельское наречие или диалект представлен в словаре? В. Н. Перец вскользь упоминает о том, что словарные записи были вызваны необходимостью вести торговые операции на севере, в Карелии. Н. А. Мещерский добавляет, что старообрядческий фон записей вызван существованием на территории Карелии в конце XVII — начале XVIII в. одного из важнейших центров «поморского согласия» Выго-Лексинского скита, который играл значительную роль в экономической жизни близлежащих карельских районов. В пользу одного из карельских диалектов нынешней Карелии косвенно свидетельствует, кажется, и сам список лексем, который помимо лексики основного словарного фонда включает названия пушных зверей: *белка* — *орава*, *бобр* — *мая[ва]*, *выдра* — *сарва*, *горностай* — *пордымо*, *рысь* — *илвес*, а также выразительный ландшафтный термин *вара* [voaga, vuaga] — *гора*, маркирующий как раз собственно карельские говоры Карелии. С другой стороны, заметки торгового характера, включающие, в частности, расчеты провоза товаров по водным путям, явно указывают

<sup>23</sup> Мещерский Н. А. Русско-карельские словарные записи XVII — начала XVIII в. С. 22–32.

на пути, соединяющие Петербург с Нижним Новгородом, т. е. проходящие через карельское Поволжье. Кроме того, старообрядчество характеризовало не только Карелию, но и Поволжье — территорию бытования тихвинских, тверских и новгородских говоров, а ценность лексических особенностей для диалектной дифференциации относительна. Наиболее показательны фонетико-морфологические критерии, однако они дают неоднозначный результат. С точки зрения таких принципиально важных маркеров как альтернация согласных или представительство конечных гласных, а также облика местоименных форм это несомненный южный собственно карельский диалект. Однако наличие свистящих согласных на месте собственно карельских шипящих усложняет решение задачи. Шипящие *š* и *ž* — отличительный признак всех собственно карельских говоров. И хотя они, видимо, отсутствовали в фонетической системе древнекарельского языка,<sup>24</sup> их раннее появление засвидетельствовано уже в берестяной грамоте XIII в. (см. выше), а также в писцовых документах рубежа XV–XVI вв. Они, безусловно, существовали во время массового переселения карелов в XVII в., что надежно подтверждается их присутствием в карельских говорах, с одной стороны, центральной Карелии, с другой — Поволжья; т. е. шипящие были принесены в ходе миграции с исторической карельской в этноязыковом отношении территории Приладожья.

Об этом же наглядно свидетельствуют русско-карельские записи 1667 года, сделанные в Соловецком монастыре (см. выше), а также составленный, очевидно, в Верхневолжье карело-русский разговорник 1668 года, являющийся предметом анализа настоящего издания. Наименьшим представительством шипящих в собственно карельском наречии характеризуются южные собственно карельские говоры приграничной Карелии (Суоярви, Суйстамо, Корписелья), бытовавшие до второй мировой войны в северо-восточном Приладожье, а также средней Карелии (Мяндусельгский, Поросозерский). Однако следует иметь в виду, что в названных говорах такая ситуация сложилась, как считают исследователи, вторично, т. е. свистящий *s* пришел на смену первоначального шипящего *š* в результате значительного воздействия территориально смежных ливвиковского и людиковского наречий

<sup>24</sup> *Virtaranta P.* Über das *s* im Karelischen // Studien zur phonologischen Beschreibung uralischer Sprachen. Budapest, 1984. S. 260.

карельского языка.<sup>25</sup> Язык памятника начала XVIII века в целом был близок (хотя не идентичен) языку названных южных собственно карельских говоров. Сказать что-то более конкретное на данном этапе исследования не представляется возможным.

Надо полагать, что до нас дошли далеко не все попытки записать прибалтийско-финскую (карельскую) речь. Так, в сочинении нидерландского путешественника XVI века Симона Ван Салингена упоминается некий Федор Сиденев или Чудинов (в голландском подлиннике *Zydenov*) из города Кандалакши, который изобрел письмена для карельского языка и записал ими «Отче наш» и некоторые другие тексты религиозного содержания.<sup>26</sup> Он может быть в каком-то смысле уподоблен просветителю коми Стефану Пермскому, прожившему в XIV веке начало пермской письменности. К сожалению, плоды деятельности карельского просветителя утрачены, как, возможно, и другие подобные памятники. Впрочем, история свидетельствует о том, что счастливые архивные находки возможны и сейчас, так что список — пока достаточно краткий — может еще пополниться.

Известные на сегодняшний день рукописные памятники засвидетельствовали — пусть и пунктирно — некоторую динамику в формировании карельской диалектной карты. Рудименты языка, реконструирующегося на базе берестяных грамот, указывают, скорее, не на карельский, а на «чудской», т. е. представленный в Поволхове язык (или праязык) прибалтийско-финского типа, определенные признаки которого наследуются и вепским, и карельским языком. Признаки, дифференцирующие вепские и людиковские говоры, носили в XVII веке менее отчетливый характер, чем сейчас, однако записи заговоров дают основание полагать, что в это время уже происходило формирование людиковских дистрибутирующих особенностей путем укрепления в говорах карельских дифференцирующих признаков и размывания вепских. Что же касается собственно карельского

---

<sup>25</sup> *Новак И., Пенттонен М., Руусканен А., Сиилин Л.* Карельский язык в грамматиках: сравнительное исследование фонетической и морфологической систем. Петрозаводск, 2019. С. 80–86.

<sup>26</sup> *Алексеев М. П.* Западноевропейские словарные материалы в древнерусских азбучниках XVI–XVII вв. // Академику Виктору Владимировичу Виноградову к его шестидесятилетию: Сб. статей. М., 1956. С. 30.

наречия того же времени, то оно за три столетия, до середины XX века, когда начался интенсивный процесс утраты языка, подверглось минимальным изменениям, относящимся преимущественно к словарному составу. Очевидно, основные карельские признаки уже сложились к XVII веку и сохранялись в дальнейшем в разных диалектах — продолжателях древнекарельского языка.

### Язык тверских карелов: четыре века истории

Современные карельские говоры Тверской Карелии<sup>27</sup> являются наследниками древнекарельского языка. Они сформировались в Верхневолжье как следствие вызванного военным противостоянием России и Швеции переселения карелов из северо-западного Приладожья (Корельского уезда). Историки выделяют несколько этапов переселения карелов в Замосковье: спорадические переселения 80–90 гг. XVI в.; массовые переселения 30–70 гг. XVII в. — стихийные в начале периода и организованные с 1656 г., когда на Тверские земли, по приблизительным подсчетам, пришло свыше 26 тыс. человек; незначительные переселения начала XVIII в.<sup>28</sup> Процесс расселения карелов в Верхневолжье, сопровождающийся консолидацией населения на дворцовые земли, продолжался до первой половины XIX в.<sup>29</sup>

Быстрые темпы прироста населения в регионе свидетельствуют о том, что карелы на новом месте жительства чувствовали себя комфортно. В 1834 г. в регионе насчитывалось около 83 тыс., а в 1926 уже свыше 140 тыс. карелов. В «Списке карельских селений Московской области» 1932 г. названо более 150 тыс. карелов, проживавших в 1090 населенных пунктах.<sup>30</sup>

<sup>27</sup> Тверская Карелия — ряд территорий Тверской области, характеризующихся компактным расселением тверских карелов. Впервые термин «Тверская Карелия» употребляет Ф. Н. Глинка в начале XIX в., см.: *Глинка Ф. Н.* О древностях в Тверской Карелии: извлечение из писем Ф. Н. Глинки к П. И. Кеппену. СПб., 1836.

<sup>28</sup> *Вершинский А. Н.* Очерки истории верхневолжских карел в XVI–XIX вв. // Исторический сборник. М., 1935. Т. 4. С. 72–104; *Жербин А. С.* Переселение карел в Россию в XVII в. Петрозаводск, 1956; *Степанова Ю. В., Савинова А. И.* Расселение карел в Верхневолжье в середине — второй половине XVII в.: опыт изучения с применением гис-технологий // Историческая информатика. 2018. № 4. С. 57–72.

<sup>29</sup> *Савинова А. И., Степанова Ю. В.* Тверские карелы в XVIII в.: территориально-демографическая характеристика // *Carelica*. 2014. № 2. С. 74.

<sup>30</sup> *Вершинский А. Н.* Список карельских селений Московской области. М., 1932. С. 1; ГИС «Тверские карелы в XVII–XIX вв.». URL: <https://histgeo.ru/karely.html>.